



*Моим родителям,
Франсине и Ивану Перрен,
Патрисии Лопез «Паките»
и Софи Долл*

Минус один человек — и мир обезлюдел.

Мои соседи ничего не боятся. Забот у них нет, они не влюбляются, не грызут ногти, не верят в случай, не дают обещаний, не шумят, не пугаются, не плачут, не ищут ключи, очки, пульт от телевизора, детей и счастье.

Они не читают, не платят налоги, не соблюдают режим, не имеют предпочтений, не меняют мнение, не застилают постель, не курят, не составляют списков, не отмеряют семь раз, прежде чем отрезать. У них не бывает заместителей.

Они не подхалимы и не честолюбцы. Они не злопамятны, не мелочны, не благородны, не ревнивы, не выглядят неопрятно. Они чисты, возвышенны, забавны, упорны, ворчливы, лицемерны, добры, жестоки, слабы, злы, лживы, вороваты, азартны, храбры. Некоторые из них — дармеды, другие — развратники, третьи — оптимисты.

Все они — мертвецы.

Чем один отличается от другого? Качеством гроба — из дуба, сосны или красного дерева, — в котором покоятся.

*Что мне делать теперь,
когда я не слышу твоих шагов и не знаю,
чья жизнь утекает — твоя или моя.*

Меня зовут Виолетта Гуссен. Я была дежурной по железнодорожному переезду, а теперь работаю смотрительницей кладбища. Здесь я и живу.

Я пробую жизнь на вкус, пью ее мелкими глоточками, как жасминовый чай с медом. Вечером, когда ворота моего кладбища закрыты, а ключ повешен на ручку двери в ванную, наступает райское блаженство.

Нет, не такое, как у моих соседей.

Я говорю о рае для живых — стаканчике портвейна 1983 года. Каждый год, 1 сентября, Жозе-Луиш Фернандез дарит мне бутылку, и я открываю это вместилище солнца, бабье лето, счастья ровно в семь вечера, в дождь, снег или ветер.

Два наперстка рубиновой влаги. Кровь виноградников Порто. Я закрываю глаза. И наслаждаюсь. Один глоток — и вечер наполняется радостью. Всего два наперстка, потому что я люблю легкое опьянение, но не алкоголь.

Жозе-Луиш Фернандез весь год, раз в неделю, приносит цветы на могилу супруги, Марии Пинто (1956—2007). В июле он уезжает в отпуск, доверив священнодействовать мне. Бутылка портвейна — знак его благодарности.

Мое настоящее — подарок небес. Так я говорю себе каждое утро, открыв глаза.

Я была очень несчастна, почти уничтожена. Опустошена. Как мои соседи, за которыми я приглядываю, — и даже хуже. Сам-то организм функционировал, но на «холостом ходу». Куда-то подевался весь объем души, а ведь она, как говорят, весит ровно двадцать один грамм — у толстых и тощих, высоких и низких, молодых и старых.

Хотите знать, что меня спасло? Все очень просто. В отличие от многих, я никогда не упивалась своими бедами и решила положить им конец.

Началась моя жизнь очень плохо. Я родилась от неизвестных родителей, в Арденнах, на севере департамента, в местечке на границе с Бельгией. Тамошний климат называется «умеренно континентальный» — сильные осадки осенью и частые заморозки зимой. Я всегда представляла себе, что именно об этих местах написана «Равнинная страна» Жака Бреля, «где небо близко так, что вот подать рукой, и серый небосвод сливается с рекой».

В день своего рождения я не закричала. И меня отложили в сторону, как посылку весом 2,670 кг, без штемпеля и фамилии адресата. Наверное, решили сначала заполнить бумаги, чтобы объявить меня безвременно ушедшей.

Мертворожденной. Ребенок без искры жизни и фамилии.

Акушерка торопилась домой и, недолго думая, назвала меня Виолеттой. Полагаю, вся я, с головы до маленьких пяточек, была именно такого цвета.

Потом кожа порозовела, пришлось заполнять свидетельство о рождении, но женщина и не подумала «пере-назвать» младенца.

Меня положили на батарею, и я согрелась. Мать не хотела ребенка, и я ужасно мерзла у нее в утробе. Жар, исходящий от чугунной гармошки, вернул меня к жизни, поэтому я так люблю лето и не упускаю случая подставить лицо первым солнечным лучам, совсем как подсолнух.

В девичестве я была однофамилицей Шарля Трене¹, фамилию наверняка придумала та же акушерка. Видимо,

¹ Шарль Трене (1913–2001) — французский певец, поэт и композитор.

была поклонницей певца. Потом я его тоже полюбила и долго считала кем-то вроде дальнего родственника, этаким «американским дядюшкой». Если напеваешь себе под нос мелодии любимого исполнителя, чувствуешь родство душ.

Фамилию Туссен¹ я взяла, выйдя замуж за Филиппа Туссена. Нужно было сразу насторожиться. Некоторые мужчины, которых зовут Прентан², бьют жен. У многих мерзавцев красивые имена.

Я не тосковала по матери. Разве что во время болезни, если случался сильный жар. Я быстро росла. Тянулась вверх, словно Провидение наградило меня гордой спиной, чтобы компенсировать отсутствие родителей. Я прямая, как струнка. Не гнусь, не склоняюсь, не прогибаюсь. Даже в дни печали. Меня часто спрашивают: «Вы, случайно, не занимались классическим балетом?» — «Нет... — отвечаю я, — осанка — от повседневных забот, они заменили мне станок».

3

*Пусть заберут меня или моих родных,
я не боюсь, ведь однажды все
кладбища превратятся в сады.*

В 1997 году наш железнодорожный переезд автоматизировали, и мы с мужем лишились работы. О нас написали газеты, назвали «побочными жертвами прогресса, последними служащими железной дороги, которые вручную поднимали и опускали шлагбаум». К статье прилагалось фото. Филипп Туссен обнял меня за талию и принял красивую

¹ *Toussaint* — День Всех Святых (*фр.*) если фамилия, то Всесвятский/Всесвятская.

² *Le printemps* — весна (*фр.*).

позу. Я улыбаюсь, но до чего же у меня грустные глаза на этом снимке!

В день выхода статьи Филипп Туссен вернулся из почившего в бозе Государственного бюро по трудоустройству в полном смятении: он только что понял, что ему придется работать. Филипп привык, что за него все делаю я. Он был уникальным лентяем и, конечно же, достался мне, кому же еще!

Желая приободрить любимого, я протянула ему листок бумаги: «Смотритель кладбища, профессия будущего». Он посмотрел на меня, как на буйнопомешанную. В 1997-м он смотрел так на меня каждый день. Разве разлюбивший мужчина смотрит так на женщину, которую когда-то любил?

Я объяснила, что случайно увидела это объявление, что мэрия Брансьон-ан-Шалона ищет супружескую пару для работы на кладбище и что мертвые живут по расписанию и шуметь будут уж точно меньше поездов. Что я поговорила с мэром и он готов немедленно нанять нас.

Муж не поверил, сказал, что таких случайностей не бывает и он скорее содохнет, чем согласится на ремесло падальщиков. А потом включил приставку, чтобы сыграть в *SuperMario64*¹, поставив перед собой сверхзадачу собрать все 120 силовых звезд. Я же хотела схватить за хвост одну-единственную — правильную. Об этом и думала, глядя, как мчится Марио, чтобы спасти принцессу Персик, похищенную Великим Королем Демонов.

Я не сдалась. Сказала, что на кладбище у каждого из нас будет зарплата — и намного выше, чем на переезде, вдобавок у нас будет симпатичное служебное жилье, а налоги

¹ *SuperMario64* — 3D-видеоигра (1996), считается одной из величайших видеоигр всех времен. Главный герой — Марио — решает сверхзадачу: вырвать принцессу Грибного Королевства из лап своего главного антагониста Баузера — Великого Короля Демонов. Создатель видеоигры Сигэру Миямото (род. в 1952 г.).

платить не придется. Мы наконец-то покинем дом, в котором прожили столько лет, хибарку, где зимой крыша протекала, как старая лодка, а летом было холодно, как на Северном полюсе. Я убеждала Филиппа, что нам необходимо начать все сначала, обещала повесить красивые занавески, чтобы не видеть «соседей» — кресты, вдов и все остальное. Занавески станут границей между нашей жизнью и чужой скорбью. Я могла бы сказать Туссену правду: занавески отделят мою печаль от всей остальной, накопившейся в нашем мире. Могла бы, но не стала. Понимала, что должна притворяться, иначе он не согласится переехать.

Главный довод я прибегла на самый конец — пообещала, что ему НИЧЕГО не придется делать. Ремонт, могилы и всем обустройством занимаются три могильщика, а смотритель только открывает и закрывает ворота. Режим работы не слишком утомительный. Отпуск и уик-энды такие же длинные, как железнодорожный мост-виадук в Бельгард-сюр-Вальсерине. Я беру все на себя. Все-все.

СуперМарио остановился. Принцесса полетела кубарем.

Перед сном Филипп Туссен перечитал объявление. «Смотритель кладбища, профессия будущего».

Наш переезд располагался в Мальгранж-сюр-Нанси. В тот период моей жизни я не жила. Правильнее было бы сказать «в тот период моей смерти». Я вставала, одевалась, работала, ходила за покупками, спала. Приняв таблетку снотворного. Или две. Иногда три. И замечала, что муж смотрит на меня как на безумную.

График моей работы был чудовищно однообразным. Я опускала и поднимала шлагбаум всю неделю, по пятнадцать раз на дню. Первый поезд проходил через нас в 04.50, последний — в 23.04. Очень скоро у меня выработался автоматизм, мозг в нужный момент выдавал звоночек, и я всегда слышала его с опережением. Эту каторгу следовало

делить на двоих, но Филипп только гонял на мотоцикле и заводил новых любовниц.

Пассажиры в окнах вагонов навевали мне мечты, хотя мимо следовали только местные поезда. Они шли из Нанси в Эпиналь, делая десятиминутные остановки в небольших местечках, чтобы оказать вспомоществование «аборигенам». И все-таки я завидовала мужчинам и женщинам, у которых была цель и они могли ее осуществить. Я воображала, что эти люди назначили кому-то свидание и этот кто-то ждет их. Боже, как же мне хотелось уподобиться им!

Через три недели после выхода объявления мы отправились в Бургундию. Сменили серый цвет города на зелень природы и ни с чем не сравнимый запах железной дороги.

Пятнадцатого августа 1997 года мы прибыли в Брансьонан-Шалон. Во Франции настала пора отпусков. Французы покидали «насиженные места», чтобы увидеть море, горы и водопады. Кладбищенские птички, вившие гнезда на деревьях, улетели. Кошки, бродившие между горшками роз, исчезли. Даже муравьям и ящерицам было слишком жарко, мрамор памятников стал обжигающе горячим. Могильщики взяли отпуск, не стало даже усопших. Я бродила по аллеям, читая фамилии людей, которых мне не суждено было узнать, но чувствовала себя прекрасно. На своем месте.

4

*Бытие вечно, жизнь преходяща.
Вечная память будет ее посланием.*

Я сама открываю и закрываю тяжелую решетку кладбищенских ворот, если только замочная скважина не залеплена жвачкой — подростки часто так развлекаются.

Часы работы меняются в зависимости от времени года.

1 марта — 31 октября: 08.00—19.00.

1 ноября: 07.00—20.00.

2 ноября — 28 февраля: 09.00—17.00.

29 февраля из расписания выпало.

Я взяла на себя обязанности мужа после его отъезда, а если точнее — после того, как он пропал. Имя Филиппа Туссена фигурирует в национальной картотеке жандармерии в графе «исчезновение при сомнительных обстоятельствах».

В поле моего зрения осталось много мужчин. Три могильщика: Ноно, Гастон и Элвис. Три сотрудника похоронной службы: братья Луччини — Пьер, Поль и Жак, а еще отец Седрик Дюрас. Все они заходят ко мне по нескольку раз на дню, чтобы выпить стаканчик или перекусить на скорую руку. Помогают мне в саду и на огороде, если требуется перетащить мешки с компостом или починить кран. Я считаю их не коллегами — друзьями. Они могут заглянуть на кухню в мое отсутствие, выпить кофе, вымыть чашку и отправиться дальше по собственным делам.

Люди испытывают отвращение, гадливость к ремеслу могильщика, но те, кто работает на моем кладбище, — самые милые и располагающие к себе мужчины на свете.

Больше всех я доверяю Ноно. У этого прямодушного человека радость жизни бурлит в крови, все его веселит, он не знает слова «нет», правда, никогда не присутствует на похоронах ребенка. Это он оставляет другим. «Тем, кому хватает мужества» — так он говорит. Ноно напоминает мне Жоржа Брассенса. Он смеется над этим сравнением: «Ты одна это замечаешь!»

Гастон совсем другой, он — мсье Неуклюжесть и всегда выглядит пьяненьким, хотя пьет только воду. Его движения хаотичны. На похоронах Гастон неизменно стоит между Ноно и Элвисом — на случай потери равновесия. Земля

вечно дрожит у него под ногами. Он опрокидывает все, что попадает под руку, роняет вещи, наступает на них, падает. Когда Гастон заходит ко мне, я всегда боюсь, что он что-нибудь разобьет и поранится. Так оно и происходит.

Элвиса все зовут Элвисом из-за Элвиса Пресли. Он не умеет ни читать, ни писать, зато знает наизусть все песни своего идола. Слова наш Элвис произносит неразборчиво, понять, поет он на английском или на французском, невозможно, но сердца вкладывает много. *Love me tender, love me trou...*¹

Братья Луччини — погодки: младшему тридцать восемь, среднему тридцать девять и старшему 40 лет. Они потомственные «похоронщики» Брансьона и владельцы морга, примыкающего к их магазину. Ноно рассказал мне, что помещения разделяет тамбур. Опечаленных родственников принимает Пьер, старший брат. Поль — бальзамировщик и работает в подвале. Жак сидит за рулем катафалка, он возит покойников в последний путь. Ноно называет братьев «апостолами».

Нашего кюре зовут Седрик Дюрас. У Господа есть вкус, хоть Он и не всегда справедлив. С появлением нового кюре на многих местных дам снизошло Божественное откровение, и в воскресенье, на утренней службе, почти все места на скамьях теперь заняты.

Я не хожу в церковь — посещение храма было бы равносильно сексу с коллегой, но признаний выслушиваю больше, чем отец Седрик в исповедальне. Близкие изливают душу в моем скромном доме и на кладбищенских аллеях,

¹ «Love me tender» — «Люби меня нежно», американская песня 1956 г., написанная на основе сентиментальной баллады «Аура Ли» времен Гражданской войны. Баллада была написана поэтом-песенником В. В. Фосдиком и композитором Джорджем Р. Поултоном и издана в 1861 году. Версия, записанная Элвисом Пресли и включенная в одноименный фильм, входит в список «500 величайших песен по версии журнала *Rolling Stone*».